

Ю. Ф. Самарин, Ф. Дмитриев

**Революционный
консерватизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Ф. Самарин**
Революционный консерватизм / Ю. Ф. Самарин, Ф. Дмитриев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 147 с.

ISBN 978-5-458-09304-0

Книга Р. Фадеева "Русское общество в настоящем и будущем" и предположения петербургских дворян об организации всесословной волости.

ISBN 978-5-458-09304-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ворочаютъ вопросами и задаютъ себѣ задачи, передъ которыми дрогнула бы ширококостая натура Петра I. — Покоичить съ сельскою общиною и искрошить мірскую землю на недѣлимые дворы, чтобъ наконецъ завелись и у насъ фольбауеры и кпехты — это имъ нипочемъ. Отсюда же это болѣзненное раздраженіе на какихъ-то воображаемыхъ враговъ и это вошедшее въ привычку клеймѣніе цѣлыхъ классовъ общества, иногда даже своихъ же неопознаваемыхъ братьевъ, обидными прозвищами. Кто, напримѣръ, запомнитъ, что онъ не болѣе какъ служилый человѣкъ и мысленно пожаловалъ себя въ аристократа - помѣщика, по образцу Англійскаго лорда или Нѣмецкаго юнкера, тому конечно нельзя не предположить противъ себя, какъ человѣка другой породы, историческаго своего ненавистника — бюрократа.

Если его не оказывается въ наличности, то такъ какъ онъ всеже необходимъ для полноты обстановки, то остается изобрѣсти его и потому, за неимѣніемъ субъекта болѣе подходящаго къ роли, ярлыкъ бюрократа привѣшивается къ спинѣ другаго дворянина, такого же служилаго человѣка гражданскаго чина, предки котораго, какъ и всѣ дворяне, правдою и неправдою, выслужили себѣ вотчину и сдѣлались помѣщиками. Стоило бы, конечно, взглянуть на всѣ эти перереженные фигуры нѣсколько спокойно и добросовѣстно, и тогда сейчасъ же узнали бы въ призракъ бюрократа *каррикатуру* на чиновника, въ *pendant* къ которой пущена въ ходъ такая же каррикатура на помѣщика подъ ярлыкомъ *крупностика*; но бѣда въ томъ, что при революціонномъ настроеніи, спокойствіе и безпристрастіе не мыслимы. Оттого, люди приходящіе въ негодование когда передъ ними проносятся каррикатура на дворянина-помѣщика, никогда не отказываютъ себѣ въ удовольствіи вставлять въ свои рѣчи, въ видѣ иллюстраціи, каррикатуру на дворянина - чиновника. Это обыкновенный пріемъ. Въ былыя времена, во Франціи, ни одно патриоти-

ческое воззваніе не обходилось безъ валовой анаэемы на всѣхъ аристократовъ и всѣхъ священниковъ; у насъ теперь, почти въ томъ же тонѣ, кстати и некстати, клинуть бюрократовъ.

Существенная разниа заключается конечно въ томъ, что революціонный консерватизмъ, въ современномъ Русскомъ обществѣ, не имѣетъ корней. Самому дворянству, въ массѣ, его идеалы не менѣе несочувственны и чужды, чѣмъ простонародію и если бы непременно понадобилось отискать для нихъ историческую генеологію, то пришлось бы вѣроятно связать ихъ съ программю *верховниковъ* XVIII вѣка, такъ торжественно отвергнутою тогдашнимъ шляхетствомъ. Такое сопоставленіе было бы однако натяжкою: политической традиціи, преемственной передачи убѣжденій и цѣлей черезъ три или четыре поколѣнія у насъ не бываетъ и предполагать нельзя въ общественной средѣ, въ которой отцы и взрослые дѣти живутъ всегда двумя разными жизнями и даже не понимаютъ другъ друга; но не подлежитъ сомнѣнію, что и въ настоящую минуту, чаянія и стремленія революціонно - консервативной группы расходятся съ потребностями и желаніями огромнаго большинства дворянства не менѣе рѣзко чѣмъ въ ту знаменательную эпоху, когда нарождавшаяся у насъ аристократія столкнулась съ исторически сложившимся служилымъ сословіемъ и навсегда разбилаь.

Теперешняя группа революціонеровъ-консерваторовъ образовалась на нашихъ глазахъ. Она обозначилась въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ отрицательно-пассивнымъ отношеніемъ своимъ къ крестьянской реформѣ и вольнымъ своимъ самоустраненіемъ отъ дѣла, въ которомъ все Русское общество принимало участіе. Она не отрицала въ принципѣ необходимости отмѣны крѣпостнаго права, но не одобряла способа исполненія. Ей представлялись какіе то другіе выходы изъ прежнихъ отношеній, другія общественныя, хозяйственныя и административныя формы,

долго остававшіяся невыясненными, по крайней мѣрѣ для непосвященныхъ. Затѣмъ, она обзавелась специальнымъ органомъ, покойною газетою „Вѣсть“, которая, какъ извѣстно, читалась сочувственно и имѣла успѣхъ на нашихъ окраинахъ, но нешла отголоска собственно въ Русской читающей публикѣ. Не смотря на талантъ издателей, на сильную поддержку со стороны нѣкоторыхъ министерствъ и на щедрія субсидіи нѣсколькихъ меценатовъ, газета эта пала подъ общимъ, къ ней равнодушіемъ. Одновременно смолкли въ провинціальныхъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ немногіе одинокіе голоса безотзывно вторившіе ея ропоту. Въ провинціи, революціонный консерватизмъ рѣшительно не нашелъ почвы и теперь онъ окончательно сосредоточился въ Петербургѣ. Это можно было предвидѣть заранѣе; всѣ корни его въ высшей правительственной и придворной средѣ и только при этихъ, чисто мѣстныхъ условіяхъ, онъ и можетъ существовать; въ этихъ же связяхъ заключается его относительная сила.

Въ послѣднее время въ немъ стали замѣтны признаки какого-то пробужденія, вызваннаго вфронтно стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ.

Талантливый писатель, Генералъ Фадѣевъ, оказалъ ему и всей нашей публикѣ неоцѣненную услугу, взявъ на себя трудъ формулировать теорію революціоннаго консерватизма, въ связи съ настоящимъ и будущимъ. Въ книгѣ его раскрылась наконецъ полная программа исподоволь подготовляемой перестройки всего нашего общества. Затѣмъ, обсуждавшіеся въ книгѣшнемъ году на съѣздѣ дворянъ Петербургской губерніи проекты такъ называемой всесловной волости дали намъ первый опытъ примѣненія теоріи къ дѣлу.

Итакъ, наступила самая благопріятная минута для всесторонней оцѣнки какъ самой доктрины, такъ и практическихъ изъ нея выводовъ. Мы попытались это исполнить; высказали

наше мнѣніе съ полною откровенностью, нисколько не скрывая нашего радикальнаго разномыслія, но отдавая должную справедливость намѣреніямъ нашихъ противниковъ, по внимательномъ изученіи ихъ трудовъ, добросовѣстно постаравшись вникнуть въ ихъ образъ мыслей и предупредить всякія недоразумѣнія. Переубѣдить ихъ мы не надѣемся; но, кто знаетъ? быть можетъ возраженія наши наведутъ хоть кого нибудь изъ нихъ на разнаго рода невозможности, очень замѣтныя со стороны, и, какъ это часто случается, ускользающія отъ вниманія исключительно сосредоточеннаго на одной цѣли.

Москва, Іюль 1875.

Ю. САМАРИНЪ.
Ф. ДМИТРІЕВЪ.

ПИСЬМО КЪ Р. ФАДЪЕВУ.

Милостивый Государь,

Ростиславъ Андреевичъ!

Я конечно ничѣмъ лучше не докажу Вамъ моего глубокаго уваженія къ Вашему труду и моей признательности за присылку его какъ послѣдовавъ Вашему приглашенію и высказавъ Вамъ съ полною откровенностью мои сомнѣнія, скажу прямо — тотъ страхъ, отъ котораго я не могъ защититься по прочтеніи Вашей книги. Это Васъ конечно не удивитъ: Вы сами не ожидали отъ меня единомыслия. Дѣйствительно, мы расходимся радикально почти во всемъ, въ пониманіи нашего прошедшаго, въ оцѣнкѣ настоящаго и, болѣе всего, въ представленіяхъ о желательной будущности. То, въ чемъ Вы видите наше спасеніе и ничѣмъ незамѣнимое условіе нормальнаго развитія нашей общественности пугаетъ меня какъ программа изнудоволь подготовляемой *революціи*, притомъ революціи худшаго свойства, вызванной какимъ то, на мой взглядъ, незаслуженнымъ недоувѣріемъ къ обществу и къ учрежденіямъ, которыми оно наиболѣе дорожить.

Я позволилъ себѣ краткости ради употребить выраженіе рѣзкое и въ то же время довольно неопредѣленное, а потому требующее немедленнаго объясненія: конечно ни Вы, ни я

несчитаемо испорченной мостовой, оборванныхъ блузниковъ, растрепанныхъ женщинъ и красныхъ знаменъ существенными принадлежностями всякой революціи и не отождествляемо ея не только съ уличнымъ бунтомъ, но даже съ болѣе широкимъ понятіемъ о незаконномъ и насильственномъ посягательствѣ на существующій порядокъ вещей. Не переставая быть тѣмъ что она есть въ существѣ своемъ, она можетъ исходить какъ сверху такъ и снизу и, въ первомъ случаѣ, оставаться въ предѣлахъ формальной законности. По моимъ понятіямъ, революція есть не иное что какъ *раціонализмъ въ дѣйствіи*, иначе: формально правильный силлогизмъ обращенный въ стѣннитное орудіе противъ свободы живаго быта. Первою посылкою служитъ всегда абсолютная догма выведенная апіорнымъ путемъ изъ общихъ началъ, или полученная обратнымъ путемъ — обобщеніемъ историческихъ явленій *известнаго рода*.

Вторая посылка заключаетъ въ себѣ подведеніе подъ эту догму данной дѣйствительности и приговоръ надъ послѣднею, изрекаемый исключительно съ точки зрѣнія первой — дѣйствительность не сходится съ догмою и потому осуждается на смерть.

Заключеніе облекается въ форму повелѣнія, **ВЫСОЧАЙШАГО** или **нижайшаго**, исходящаго изъ бель-этажныхъ покоевъ или изъ подземелій общества и, въ случаѣ сопротивленія, приводится въ исполненіе посредствомъ винтовокъ и пушекъ или вилъ и топоровъ — это не измѣняетъ сущности операціи предпринимаемой надъ обществомъ.

Откинувъ изъ Вашей книги все вводное (въ томъ числѣ нѣсколько очень вѣрныхъ мыслей, напоминающихъ ученіе отиѣтыхъ Вами Славянофиловъ, много мѣткихъ наблюденій и счастливыхъ словъ) можно бы, не искажая основной мысли произвольнымъ ея расширеніемъ или стѣсненіемъ, добраться до слѣдующаго силлогизма, составляющаго какъ бы оставъ ея.

Первая посылка: степень живучести и устойчивости всякаго общества зависит безусловно отъ толщины и цѣльности верхняго, культурнаго слоя, иначе: отъ силы сознательнаго консерватизма сдерживающаго бродящія подъ нимъ стнхійныя силы, всегда готовые прорваться сквозь всякую разсѣлину и затопить поверхность.

Вторая посылка: у насъ, въ Россіи, культурный, охранительный слой не иное что какъ дворянство — „другаго нѣтъ“. Но преобразованіями послѣдняго тринадцатилѣтія (предоставленіемъ крестьянамъ полнаго самоуправленія, введеніемъ начала всеословности въ земскія и судебныя учрежденія и т. д.) дворянство, какъ сословіе, было распатано, искрошено и распушено въ массѣ“.

Заключеніе: для спасенія Русскаго общества отъ угрожающей ему анархіи, нужно прежде всего сплотить разбитое дворянство, поставить его во главѣ общества, какъ сословіе *властное*, и надѣлать его новыми правами соответствующими потребностямъ времени. Дойдя до этого заключенія, Вы вѣроятно на минуту призадумались — предъ Вами открывались два пути. Можно было, для составленія потребнаго капитала дворянскихъ привилегій, урѣзать кое-что отъ полноты правительственныхъ правъ; но Вы убѣдились, что это было бы несогласно съ національнымъ характеромъ и историческимъ призваніемъ нашего единодержавія какъ понимаетъ его Россія.

Можно было также сколотить этотъ капиталъ насчетъ другихъ, высшихъ сословій, или по просту обобрать ихъ, на примѣръ: отнявъ у крестьянъ и передавъ дворянамъ выборъ волостныхъ начальниковъ, лишивъ учащуюся молодежь недворянскаго происхожденія права на казенныя стипендіи, устранивъ земскія собранія въ выборѣ мировыхъ судей и т. д.

Этотъ путь былъ глаже и Вы естественно предпочли его. Такимъ образомъ, изъ двухъ посылокъ и заключенія сложилось нѣчто вполне законченное, плѣняющее своею гармоническою стройностью.

Ознакомившись съ цѣлымъ, всмотримся ближе въ части и, слѣдуя тому же логическому порядку, начнемъ съ первой послылки.

На вопросъ прежде всего возникающій въ умѣ читателя: откуда взялся и какъ сложился начертанный Вами образъ общества вообще, стало быть всякаго общества, съ твердымъ, культурнымъ слоемъ на верху, застроеннымъ, засаженымъ и цвѣтущимъ, и съ растопленною, кинучею лавою внизу? — дать вполне удовлетворительный отвѣтъ Вамъ вторая глава. Вы всматривались въ общества Французское, Англійское, Нѣмецкое, (въ Швецію Вы конечно не заглядывали: тамошній общественный складъ не только не далъ бы матеріала для догмы, которую Вы вырабатывали, а напротивъ заставилъ бы усомниться въ ея всеобщности); Вы изучали съ особеннымъ вниманіемъ ихъ прошедшее въ минуты пережитыхъ ими кризисовъ, когда составные элементы общества, здоровые и больные, творческіе и разрушительные, вызывались обстоятельствами на борьбу, исходъ которыхъ, нагляднымъ образомъ, обнаруживалъ ихъ относительную силу, и плодомъ Вашихъ наблюдений явилось представленіе о площади вулканической формацин, мѣстами цѣльной, мѣстами треснувшей и угрожающей проваломъ. Итакъ, Вы просто вывели изъ западноевропейскаго историческаго музея готовую картину, и предъ тѣмъ какъ повѣсить ее въ Петербургѣ, Вы наклеили на нее два ярлыка. Подъ верхнимъ, консервативнымъ слоемъ Вы написали „дворянство“, подъ нижнимъ, стихійнымъ — „простонародіе“ и для окончательнаго вразумленія публики, не упустили прибавить: „если на западѣ прочность государственнаго общественнаго устоя зависитъ волякъ отъ крѣпкой связи культурнаго слоя, какъ несомнѣнно доказываетъ новая исторія, то это непрѣмѣнное условіе существуетъ еще въ большей мѣрѣ для насъ.“

Здѣсь, прежде чѣмъ задавать себѣ вопросъ о томъ, похожа ли выставленная Вами картина на нашу дѣйствительность, читатель сколько нибудь внимательный непрѣмѣнно